

Никишина Ольга Александровна

РЕАЛИЗАЦИИ СТАТУСНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕНИТЕНЦИАРНОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье рассматривается пенитенциарный дискурс с точки зрения статусно-ориентированного речевого общения и как разновидность институционального дискурса. Анализ проводится в соответствии с такими структурными компонентами любого дискурса как процесс коммуникации, контекст и текст. В результате исследования выявлены статусно-ролевые характеристики участников общения, их коммуникативные цели и описано прототипное место общения - тюрьма - как психологический и физический контекст, во многом определяющий особенности протекающей в ней коммуникации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-3/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 148-152. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

5. **Бартминьский Е.** Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: пер. с польского. М.: Индрик, 2005. 528 с.
6. **Кириллова Н. Н.** Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 319 с.
7. **Степанов Ю. С.** Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
8. **Goytisolo J.** La Chanca. М.: Editorial Ráduga, 2001. 127 p.
9. **Pérez Galdos B.** Episodios nacionales. Zaragoza: Aguilar, 1971. 1363 p.

STEREOTYPING AS A STABILITY PARAMETER OF THE PHRASEOLOGICAL DISCOURSE (BY THE MATERIAL OF THE SPANISH LANGUAGE)

Nemtseva Kseniya Igorevna

*Herzen State Pedagogical University of Russia
nomeolvides-1@yandex.ru*

The article aims to identify and analyze the stable links between the thematic and semantic groups of the Spanish phraseological corpus representing regular stereotype relations between the plane of expression and plane of content of the phraseological units. Identified semiotic links as a factor of language stability allow considering phraseological units as a special type of discourse.

Key words and phrases: phraseo-thematic field; phraseo-semantic field; discourse; stereotype; semiotic link.

УДК 81'42(045)

Филологические науки

В данной статье рассматривается пенитенциарный дискурс с точки зрения статусно-ориентированного речевого общения и как разновидность институционального дискурса. Анализ проводится в соответствии с такими структурными компонентами любого дискурса как процесс коммуникации, контекст и текст. В результате исследования выявлены статусно-ролевые характеристики участников общения, их коммуникативные цели и описано прототипное место общения – тюрьма – как психологический и физический контекст, во многом определяющий особенности протекающей в ней коммуникации.

Ключевые слова и фразы: дискурсивная лингвистика; дискурс; институциональный дискурс; пенитенциарный дискурс; статусно-ориентированное речевое общение.

Никишина Ольга Александровна

*Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева
nikishka1989@mail.ru*

РЕАЛИЗАЦИИ СТАТУСНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕНИТЕНЦИАРНОМ ДИСКУРСЕ[©]

В данной статье рассматривается специфика пенитенциарного дискурса с точки зрения статусно-ориентированного вида речевого общения.

Материалом исследования послужили речевые высказывания, иллюстрирующие статусно-ориентированное общение в рамках пенитенциарного дискурса, полученные методом сплошной выборки из романа Дж. Чивера (J. Cheever) «Falconer», повести С. Кинга (S. King) «Rita Hayworth and Shawshank Redemption», а также художественного фильма на английском языке, снятого по мотивам данной повести, – «The Shawshank Redemption», и словарные статьи.

По мнению М. И. Степановой, при рассмотрении текста как единицы языка с точки зрения дискурсивной лингвистики он перестает быть статическим феноменом и характеризуется двумя факторами: связанностью с ситуацией, которая побудила участников коммуникации к созданию текста, и их мыслительной активностью, психологическими, культурными и социальными характеристиками, стратегиями речепорождения и речевосприятия [4, с. 232]. В связи с этим М. И. Степанова выделяет 3 основных составляющих дискурса:

- процесс коммуникации, включающий участников общения с их когнитивными установками;
- контекст (вербальный, ситуативный или более широкий, культурный), в котором протекает коммуникация;
- текст, созданный в результате коммуникации [Там же].

При таком понимании данного термина возможно рассмотрение различных типов дискурса. В. И. Карасик, подходя к проблеме классификации видов дискурса с позиций социолингвистики, понимающей под дискурсом общение людей, взятых с учетом своей принадлежности к определенной социальной группе и с учетом ситуации протекания общения, больше внимания уделяет институциональному типу дискурса. Он выделяет следующие его виды: политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный [3, с. 194] и др.

Так как наличие данных видов статусно-ориентированного дискурса связано с присутствием в современном обществе соответствующих социальных институтов, то можно заключить, что с течением времени количество и виды институциональных дискурсов могут изменяться.

Для того чтобы определить, к какому виду дискурса относится то или иное речевое взаимодействие, необходимо учитывать следующие параметры:

- статусно-ролевые характеристики людей по отношению к данному акту общения, т.к. в зависимости от сложившейся ситуации люди могут выступать в различных социальных ролях;
- цель общения;
- прототипное место общения [Там же, с. 195].

Так, в соответствии с указанными признаками, можно из большего числа видов и типов дискурса выделить и пенитенциарный (тюремный) дискурс.

В английском языке для обозначения тюремного заключения (с философской точки зрения это понятие трактуется как искусственная несвобода, противопоставленная естественной, т.е. обусловленная законами мироздания, обычаями и устоями общества, а также внутренними убеждениями личности) часто используется слово *confinement*, которое определяется следующим образом:

Confinement in prison, also known as a penitentiary or correctional facility, is the punishment that courts most commonly impose for serious crimes, such as felonies. For lesser crimes, courts usually impose short-term incarceration in a jail, detention center, or similar facility [8]. / Заключение в тюрьме, также называемой пенитенциарным и исправительным заведением, – это наказание, которое суд выносит за совершение тяжких преступлений, таких как уголовные преступления. За менее тяжкие преступления суд обычно назначает краткосрочное лишение свободы в тюрьме, исправительном центре или в похожем заведении (*Здесь и далее перевод автора – О. Н.*)

На данный момент это самая жестокая санкция, применяемая по отношению к лицам, преступившим закон. В США первая тюрьма появилась в 1790 г. в Филадельфии (the Walnut Street Jail), в Англии – в 1816 г. в Лондоне. Можно заключить, что пенитенциарная система – сравнительно молодой институт общества, возникший примерно двести лет назад. Возникновение пенитенциарного дискурса, соответственно, тоже можно отнести к этому времени.

Если говорить о тюрьме как о прототипном месте общения, то в первую очередь нас интересуют особенности условий пребывания в ней участников коммуникации. Условия жизни в тюремном обществе и в обычном отличаются тотальным контролем над каждым шагом заключенного: *You are told when to eat, when you can write letters, when you can smoke* [7, p. 79]. / Тебе говорят, когда есть, когда ты можешь писать письма, когда ты можешь покурить. Отсюда возникает вопрос о правах и свободах заключенных.

The established rights of prison inmates include Freedom of Speech and religion; freedom from Arbitrary punishment (i. e., restraints, solitary confinement) on the sole basis of beliefs, religion, or racial and ethnic origin; freedom from constant physical restraints; a small amount of space for physical movement; essentials for personal hygiene and opportunity to wash; clean bedding; adequate clothing; adequate heating, cooling, ventilation, and light; and adequate nutrition [9]. / Права, признанные за заключенными, включают в себя свободу слова и вероисповедания; свободу от произвольного наказания (это ограничение передвижения, одиночное заключение) на основе убеждений, религиозной или расовой или этнической принадлежности; свобода от постоянных физических ограничений; небольшое пространство для передвижения; принадлежности личной гигиены, возможность поддержания чистоплотности; чистая постель; соответствующая одежда; наличие систем отопления, охлаждения, вентиляции и освещения; достаточное для поддержания жизни питание.

В *Law Library – American Law and Legal Information* (Библиотека юридической литературы – юридическая и правовая информация Америки) в статье *Prisoners' Rights* («Права заключенных») говорится, что при установлении таких прав и свобод власти руководствовались следующими принципами: во-первых, заключенные лишаются прав и привилегий, которыми обладают остальные граждане; во-вторых, заключенные не теряют все свои конституционные права на время тюремного заключения, и, в-третьих, сохраняемые за заключенными конституционные права не должны противоречить требованиям безопасности места лишения свободы [Ibidem]. То есть даже вышеперечисленные права могут быть нарушены, если того потребуют обстоятельства. Так, попадая в условия тюремного заключения, человек теряет право распоряжаться собой, своим временем и находится в полном подчинении у служащих исправительного заведения, которые имеют почти неограниченную власть над ним.

В соответствии с этим, по отношению к пенитенциарному дискурсу предполагается наличие следующих участников общения: служащие пенитенциарной системы, причем они могут различаться по рангам и чинам, и заключенные, которые, в свою очередь, тоже могут иметь определенный ранжир. Следовательно, общение может строиться на взаимодействии следующих пар: «служащий пенитенциарной системы – служащий пенитенциарной системы», «служащий пенитенциарной системы – заключенный» и «заключенный – заключенный».

Принимая во внимание, что институциональному дискурсу свойственна «специализированная клишированная разновидность общения» [3, с. 203], за базовую пару участников коммуникации в рамках тюремного дискурса принимается пара «служащий пенитенциарной системы – заключенный», так как именно их взаимодействие наиболее сильно регулируется установленными в данном социуме правилами, нормами. Также, несомненно, существуют определенные нормы общения отдельно между заключенными (например, между «the guy who can get it for you» (парень, который может все достать) и простым заключенным) и между служащими тюрьмы (особенно если мы говорим о начальнике колонии и рядовом тюремщике: *There were six*

guards on the project, all of them picked on the basis of seniority [7, p. 25]. / С нами на крыше было шесть охранников, все разных чинов). Во многом нормы общения обуславливаются различными статусно-ролевыми характеристиками коммуникантов. Как обычное общество тюремное сообщество имеет свое классовое деление, где каждый член этого общества обладает определенным статусом. Начальник тюрьмы и его подчиненные – это элита тюремного общества: *So those screws just sat there and took their ease. All they needed was a couple of six-packs buried in crushed ice, and they would have been the lords of all creation* [Ibidem]. / Итак, те охранники просто сидели там и отдыхали. Им не хватало лишь бокалов дорогого коктейля с колотым льдом, чтобы быть воистину хозяевами всего мироздания. Из среды заключенных также обычно выделяется несколько обличенных властью: *There are cons that swing weight in any prison, maybe four or five in a small one, maybe two or three dozen in a big one* [Ibidem, p. 13]. / В любой тюрьме есть заключенные, которые имеют определенный вес, может четыре или пять – в маленькой и около двух или трех дюжин – в большой.

Наличие норм обеспечивает то, что люди, незнакомые друг с другом, но являющиеся частью данного социума, подчиняясь его требованиям, ведут себя в одних и тех же условиях идентично, несмотря на индивидуальные различия. Выход же за определенные правилами рамки может подорвать основы существования того или иного общественного института и приводит к негативным последствиям. Это наиболее ярко проявляется в условиях пенитенциарной системы: *And I found myself wanting to tell him how it was, to give him the crash course. The crash course is you never let on that you hear the guards talking, you never try to horn in on their conversation unless you're asked (and then you always tell them just what they wanting to hear and shut up again). Black man, white man, red man, yellow man, in prison it doesn't matter because we've got our own brand of equality. In prison every con's a nigger and you have to get used to the idea if you intend to survive men like Hadley and Greg Staminas, who really would kill you just as soon as look at you. When you're in stir you belong to the state and if you forget it, woe is you* [Ibidem, p. 28]. / И я понял, что хочу объяснить ему, в какое положение он попал, направить его на «путь истинный». «Путь истинный» – ты никогда не показываешь охранникам, что ты их слышишь, ты никогда не встречаешь в их беседу, если тебя не спросили (а если и спросили, ты просто должен сказать им то, что они хотят услышать и опять заткнуться). Черный, белый, красный, желтый – цвет кожи не имеет здесь никакого значения. Мы все получили клеймо равенства: все заключенные – ниггеры, и придется свыкнуться с таким положением дел, если хочешь выжить, имея дело с такими людьми как Хэдлей и Грег Стэминас, которые могли убить тебя просто за то, что ты подвернулся им под руку. Когда ты в тюрьме, ты больше не принадлежишь себе – ты принадлежишь государству, и если ты забудешь об этом, проблемы тебе обеспечены.

Идентичная ситуация наблюдается и при общении между заключенными, например, между «the guy who can get it for you» и простым заключенным: *If you give them my name, you and I will never do business again. Not for so much as a pair of shoelace or a bag of Bugler. And I'll send some fellows around to lump you up. I don't like violence, but you'll understand my position. I can't allow it to get around that I can't handle myself. That would sure finish me* [Ibidem, p. 15]. / Если ты выдашь им мое имя, вряд ли мы с тобой когда-нибудь еще сможем заключить сделку, даже если это будет касаться пары шнурков или пачки сигарет. И мне придется послать к тебе несколько ребят, преподать тебе урок. Мне не нравится насилие, но ты же понимаешь меня – я не могу позволить, чтобы пошли слухи, якобы я не справляюсь со своими делами. Это просто прикончит меня.

Цель общения (по базовой паре) в условиях пенитенциарного дискурса является двоякой, так как участники коммуникации находятся в неравных условиях и смотря на сложившуюся ситуацию по-разному. Цель служащего пенитенциарной системы соответствует главной цели основания исправительных заведений – созданию необходимых условий для перевоспитания человека, находящегося в изоляции от общества за свершенное им преступление. Более детально – это поддержание дисциплины и порядка среди заключенных, лишение их привилегий и свобод свободного гражданина в качестве наказания за преступление, чем обеспечивается безопасность остальной части общества. Цель заключенных состоит в попытке отстаивать свои права и свободы, а их поведение строится из стремления вести себя как свободные люди. Из-за столкновения двух противодействующих линий поведения и возникают конфликтные ситуации, а также имеет место быть такая реалья тюремной жизни как побег (breakout, break, escape, disappearing act, jailbreak).

При описании параметров пенитенциарного дискурса как одного из видов институционального дискурса одновременно были охарактеризованы такие основные составляющие любого дискурса по М. И. Степановой [4] как процесс коммуникации и контекст, в котором протекает коммуникация. То есть были описаны участники общения (служащие пенитенциарной системы и заключенные), их коммуникативные характеристики (различия в статусах) и цели их коммуникативно-когнитивной деятельности (разнонаправленные цели: ограничение прав и свобод – стремление к свободе), а также описаны и охарактеризованы физические и психологические условия протекания взаимодействия (искусственная несвобода, тотальный контроль). Последний, третий, не затронутый компонент – текст, созданный в результате коммуникации, – является основой лингвистических исследований в сфере дискурса. Здесь необходимо рассмотреть языковые средства, речевые темы и жанры, используемые и создаваемые в рамках пенитенциарного дискурса, выявить их особенности.

Что касается языковых единиц, то В. И. Карасик утверждает, что у каждого социального института есть свой базовый концепт, обладающий «большой генеративной силой в том плане, что вокруг него концентрируется обширная смысловая область, для описания которой необходимо составлять достаточно объемный словарь» [3, с. 195]. Так, если рассматривать политический дискурс, то этот концепт – «power», а если пенитенциарный, то – «unfreedom».

Рассматривая дискурс через взаимодействие таких понятия как «фрейм» и «речевой акт», Т. А. ван Дейк большое внимание уделяет анализу прагматического контекста, т.е. ситуации общения, и считает, что каждый дискурс характеризуется рядом ограничений, которые заключаются в наличии определенных тематических репертуаров. Он пишет: «Если совершенно незнакомец подойдет к нам на улице, у нас есть все основания предполагать, что он задаст нам вопрос или обратится с просьбой, а не станет исповедоваться нам в своих любовных делах или угрожать» [2, с. 20]. Таким образом, у человека при общении в рамках конкретного дискурса формируются определенные ожидания касательно темы общения. Так как, если в рамках пенитенциарной системы жизнь и взаимодействие участников коммуникации рутинизированы, а сами они находятся в неравных позициях, то и набор тем и ситуаций общения по базовой паре весьма ограничен. Это может быть дача указаний, наведение дисциплины, распоряжения различного рода (подъем, переключка, конвоирование на приемы пищи и на место работы, проверка камер и др.). В данных случаях речевое взаимодействие сводится к минимуму и ограничивается лишь одной репликой охранника, сказанной в командном тоне, не требующей от заключенного речевого действия, лишь фактического повиновения. Например, речь, которую говорит начальник тюрьмы новоприбывшим заключенным: *You're going to be good boys, aren't you? You're going to be good boys. You're going to be good, good, good boys* [5, p. 10]. / Вы же будете хорошими мальчиками, не правда ли? Вы будете хорошими мальчиками. Вы будете очень, очень, очень хорошими мальчиками. Или то, как организуется конвоирование заключенных на завтрак: «*Single file,*» *he shouted, «single file and ten paces between youse. Single file»* [Ibidem, p. 126]. / «По одному, – выкрикивал он. – По одному. Дистанция десять шагов. По одному».

Иногда взаимодействие увеличивается до диалога. Причиной этому может послужить следующее:

– просьба заключенного или вопрос, обращенные к охраннику: «*How will I get my fix?» «I'll check, said Tiny. They'll bring it up from the infirmary, I guess. You don't get nothing until tomorrow morning»* [Ibidem, p. 40]. / «Как я получу свою дозу?». «Я узнаю, – сказал Тайни. – Думаю, принесут из лазарета, но ты ничего не получишь до завтрашнего утра»;

– пререкания: «*Throw that cat out,*» *said Tiny to Chicken. «You ain't going to kill my pussy,*» *said Chicken. «You want six days cell lock,*» *said Tiny. «You ain't going to kill my pussy,*» *said Chicken. «Eight days cell lock,*» *said Tiny. Chicken said nothing. «You want the hole,*» *said Tiny. «You want a month in the hole»* [Ibidem, p. 36]. / Тайни: «Давай сюда эту кошку». Петух: «Вы не убьете мою кису». Тайни: «Хочешь шесть дней в камере безвылазно?». Петух: «Вы не убьете мою кису». Тайни: «Восемь дней». Петух ничего не ответил. Тайни: «Ты хочешь в карцер? Ты хочешь провести месяц в карцере?»;

– заседание комиссии по досрочному освобождению: MAN 1: *Sit.* MAN 2: *We see by your file you've served twenty years of a life sentence.* MAN 3: *You feel you've been rehabilitated?* RED: *Yes, sir. Absolutely. I've learned my lesson. I can honestly say I'm a changed man. I'm no longer a danger to society. That's the God's honest truth. No doubt about it* [6]. / Первый: Присаживайтесь. Второй: Из вашего дела видно, что вы отсидели двадцать лет из вашего пожизненного срока. Третий: Думаете ли вы, что перевоспитались? Ред: Да, сэр, полностью. Я выучил свой урок и могу с уверенностью сказать, что теперь я совершенно другой человек. Больше я не являюсь угрозой для общества, и это абсолютная правда, без сомнения.

Анализируя вышеприведенные примеры речевых взаимодействий, можно заключить, что, по М. М. Бахтину, они относятся к простым (первичным) речевым жанрам, которые представляют результат непосредственного речевого общения, в отличие от сложных (вторичных) речевых жанров, которые «возникают в условиях более сложного и относительно высоко развитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного) – художественного, научного, общественно-политического и др.» [1, с. 252]. Оно представлено такими формами как приказ, бытовой диалог, допрос, рассказ и др.

Таким образом, пенитенциарный дискурс представляет собой вид статусно-ориентированного общения, осуществляющегося в условиях тюремного заключения между служащими пенитенциарного заведения и заключенными (базовая пара). Основной характеристикой, отличающей данный вид институционального дискурса от других, является полное подчинение одной из сторон общения другой, которая осуществляет тотальный контроль над жизнью первой стороны и имеет право на применение соответствующих дисциплинарных санкций, что во многом определяет особенности протекания коммуникации и текст, получаемый в ее результате.

Подводя итоги, следует отметить, что данная статья является лишь вводной частью к всестороннему рассмотрению пенитенциарного дискурса как объекта лингвистического исследования и были обозначены лишь основные характеристики данного вида институционализированного дискурса по таким параметрам как процесс коммуникации, контекст коммуникации и получившийся в итоге коммуникации текст. Поставленная проблема нуждается в дальнейшем рассмотрении.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: Типографкомплекс, 2000. 308 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 331 с.
4. Степанова М. И. Когезия и когерентность как основополагающие характеристики публицистического дискурса // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7. С. 230-234.
5. Cheever J. Falconer. N. Y.: RosettaBooks LLC, 2004. 170 p.
6. Darabont F. The Shawshank Redemption [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dailyscript.com/scripts/shawshank.html> (дата обращения: 05.11.2014).

7. King S. Rita Hayworth and Shawshank Redemption. N. Y.: Recorded Books Inc, 1994. 87 p.
8. Prison [Электронный ресурс]. URL: <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com/prison> (дата обращения: 03.02.2015).
9. Prison – Prisoners' Rights [Электронный ресурс]. URL: <http://law.jrank.org/pages/9386/Prison-Prisoners-Rights.html> (дата обращения: 23.04.2015).

THE REALIZATION OF STATUS-ORIENTED SPEECH COMMUNICATION IN THE ENGLISH-LANGUAGE PENITENTIARY DISCOURSE

Nikishina Ol'ga Aleksandrovna

Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev
nikishka1989@mail.ru

In the article the penitentiary discourse is considered in terms of status-oriented speech communication and as a kind of institutional discourse. The analysis is performed in accordance with such structural components of any discourse as the process of communication, context and text. As the result of the research the author identifies the status-role characteristics of the participants in the communication, their communicative purposes and describes the prototypical place of communication – prison – as psychological and physical context which determines in many ways the peculiarities of the proceeding communication in it.

Key words and phrases: discursive linguistics; discourse; institutional discourse; penitentiary discourse; status-oriented speech communication.

УДК 8; 81-22

Филологические науки

В статье дается сопоставительный анализ анималистических образов «лиса» и «волк» в русской и турецкой фразеологии; рассматривается, какие именно качества того или иного животного отражены в пословицах турецкого и русского языков и какие из них зафиксированы в словарях. При сравнении зоонимов в пословичном изречении и переносных значений имени существительного, обозначающего это же животное, выявлено, что переносное значение не всегда является источником коннотации. Образы животных в пословицах и поговорках шире и разнообразнее по сравнению с переносными значениями имен существительных, называющих данные образы.

Ключевые слова и фразы: лингвокультурология; пословицы; поговорки; зоонимы; анималистический образ; переносное значение.

Омер Бичер

Смоленский государственный университет
Vanilnaya_ya@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗООНИМОВ ЛИСА И ВОЛК В РУССКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ[©]

Во фразеологическом фонде многих языков особое место занимают фразеологизмы, содержащие образы животных. Данная тенденция закономерна, поскольку с древних времен человек и животное живут в тесном взаимодействии друг с другом. По замечанию Ш. Балли, это связано еще и с тем, что «извечное несовершенство человеческого разума проявляется также и в том, что человек всегда стремится одухотворить то, что его окружает. Он не может представить себе, что природа мертва и бездушна; его воображение постоянно наделяет жизнью неодушевленные предметы, но это еще не все: человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности» [1, с. 115].

Многие исследователи на протяжении последних десятилетий занимаются изучением фразеологизмов, в состав которых входит компонент, называющий животное, – зооним. Это обусловливается тремя основными причинами:

- 1) активным использованием этих единиц носителями языка в устной и письменной речи;
- 2) уникальной образностью, которая отражает способы языковой категоризации человеческих качеств;
- 3) наличием у фразеологизмов ярко выраженного культурного компонента, который требует отдельного изучения и описания.

Выбор фразеологических единиц с зоонимами в качестве объекта настоящего исследования объясняется тем, что они составляют довольно многочисленную, часто употребляемую и типичную для многих языков серию фразеологизмов, являются необходимым компонентом общения на изучаемом языке и в средствах массовой информации. Они экспрессивны и образны.

Национально-культурный потенциал этой группы фразеологизмов, с одной стороны, открывает интересные возможности для преподавания фразеологии русского языка в Турции, а с другой – помогает русскому и турецкому народам общаться друг с другом, способствует их взаимопониманию.